

РОМАНЪ.

I.

Герою этого романа, Яшкѣ, было одиннадцать лѣтъ, когда онъ впервые почувствовалъ въ своемъ маленькомъ сердцѣ сладкое томленіе любви. Онъ былъ „мальчишкой изъ типографіи“, очень чумазымъ мальчишкой, отъ котораго всегда густо пахло типографской краской, скипидаромъ и другими профессиональными ароматами. Такой же замасливаннй, потрепаннй какъ и все другіе типографскіе мальчишки, съ такимъ-же, какъ у нихъ лицомъ въ маскѣ черной, жирной грязи, — Яшка отличался отъ нихъ большими, всегда широко раскрытыми свѣтлыми глазами, сравнительной скромностью поведения и стремленіемъ къ чистотѣ. Въ объѣдъ онъ всегда умывался, т. е. размазывалъ по лицу неровно осѣвшую на него свинцовую пыль и грязь машинъ — ровнымъ пластомъ и отъ этой его заботливости о своей внѣшности казалось, что онъ не выпачканъ, а такимъ ужъ чернымъ произведенъ на свѣтъ. Ровный колоритъ грязи на его лицѣ далъ ему среди сверстниковъ право на прозваніе — „Чистякъ“.

Курносый, съ толстыми губами, съ большими глазами и шарообразной, гладко оскриженной головой, по бокамъ которой торчали большія, оттопыренныя уши — среди наборщиковъ онъ былъ болѣе популяренъ подъ кличкой „Рукомойникъ“. Положеніе его въ типографіи было ничуть не хуже положенія другихъ сверстниковъ: онъ никакъ не могъ пожаловаться на то, что его обдѣляютъ работой или затрепинами и въ общемъ онъ ходомъ своей жизни былъ доволенъ. Послѣ побоевъ онъ обыкновенно плакалъ и жестоко ругалъ того, кто его билъ, но ругалъ втихомолку, такъ чтобъ кромѣ него самого никто не слышалъ этихъ ругательствъ. Въ аналогичныхъ случаяхъ сверстники его вели себя точно такъ-же и вообще Яшка „Чистякъ“ или „Рукомойникъ“ почти ничѣмъ отъ нихъ не отличался. Жалованья онъ получалъ два рубля въ мѣсяцъ и всѣ дѣликомъ отдавалъ своей теткѣ, весьма толстой и всегда полушьяной старухѣ, торговавшей на толчкѣ старьемъ. По отсутствію отца и матери Яшка жилъ у нея въ темной четырехъ-угольной дырѣ съ однимъ окномъ, смотрѣвшимъ куда-то въ яму. Дыра эта была частью подвала большого трехъ-этажнаго дома, и являлась прекрасной квартирой — зимой въ ней было жарко до духоты, влѣдствіе почти полного отсутствія воздуха, а лѣтомъ прохладно какъ въ погребѣ

въ силу сырости, наполнявшей дыру. кина тетка относилась къ нему не осино любезно, и частенько жаловалась Бо на тѣхъ людей, которые умираютъ, осылая послѣ себя потомство на пощеніе иходственникововъ, совершенно недовинны въ томъ, что люди имѣютъ дурную прику родить дѣтей и не умѣютъ ихъ стави на ноги безъ помощи постороннихъ лицъви чѣмъ не заинтересованныхъ въ этомъ лѣ. Не рѣдко случалось, что Яшкина тка основательно доказывала правду своегдѣнія путемъ подзатыльниковъ и тычокъ въ избобиліа осылая ими племянника. Чапсе-го она дѣлала это въ нетрезвомъ видѣ. рочемъ, нужно сказать, что въ трезвомидѣ она была только тогда, когда пршлалась послѣ выпивки, при чемъ это вр у неа дѣликомъ поглощалось желаніемъ помѣлится, желаніемъ, которое она еку и приводила въ исполненіе.

Въ виду вышеизложеннаго Яшка чуввалъ себя на улицѣ гораздо лучше, мѣ дома, и въ одиннадцать лѣтъ былъ уже нѣ тонкимъ знаткомъ города и горской жизни. На улицѣ жизнь была и краше, мѣ дома и содержала въ себѣ болѣе рества; обида, нанесенная Яшкѣ на удѣ, немедленно же возмѣщалась имъ пмѣ ловко брошеннаго камня, ругательствили даже потасовки — въ томъ случаѣ, да обидчикъ былъ равносидень съ Яшй. Дома возмездіе было невозможно — Яш не могъ-бы сладить съ теткой и такъ алъ увѣренъ въ этомъ, что даже ни ра не пытался вступать съ нею въ открытуюй. Иногда только онъ въ видѣ маленькме-сти позволялъ себѣ кое-что: такъ, прамѣръ, когда пьяная тетка засыпала, онод-ливалъ подъ нее холодную воду, подсылъ ей въ табакерку перца, а въ башмакухой горчицы. Послѣднее средство былсамымъ оригинальнымъ, и Яшка на самъ себѣ испыталь, какъ именно оно дѣйствѣ. Ему товарищи подсыпали горчицы въ тоги и когда она растворилась отъ пота-ба сапога представили собой великолѣпныор-чичники. Яшка долго танцоваль послѣго, какъ догадался снять сапоги и въ кѣ-концовъ — даже ушалъ, вздернулъ ни кверху и, болтая ими въ воздухъ, сталот-чаянно ревѣть. Подошвы такъ жгло, что ихъ поджаривали на плитѣ, между ль-цами вздулись пузыри, которые потомъп-нули, и образовали ранки, длго заав-лявшія Яшку ходить босикомъ и ступѣ только на пятки. Тетка разика два пы-тала прелестъ этой милой шутки, очены-простраенной среди другихъ развлечій въ Яшкиной типсграфіи. Но одинъ зъ горчица оказалась не особенно крѣпк и не причинила теткѣ ничего особеннаго,ю

мъ легкаго безпокойства. Зато другимъ разомъ Яшка остался доволенъ—тетка ныла и стонала, хуже чѣмъ самъ онъ послѣ побоевъ. Она все-таки не догадалась, въ чѣмъ дѣло, и Яшка не разъ еще надѣялся въ будущемъ полѣчить ее горчичниками. Мнѣ не известно, оправдались-ли его надежды.

II.

Однажды Яшка чистилъ печатный станокъ, а для развлечения ругался съ своимъ товарищемъ по работѣ, и все шло благополучно, какъ вдругъ колеса станка почему-то пришли въ движеніе...

— Тур-ру, дьяволова мельница,—презрительно воскликнулъ Яшка, но въ это время что-то дернуло его за ногу потащило куда-то вбокъ и внизъ и мягко, но сильно, шлепнуло о полъ спиной. Яшка дважды открылъ и закрылъ свои большіе глаза, въ которыхъ было много боли и изумленія, и впалъ въ безпамятство.

Очнулся онъ въ четырехугольной комнатѣ съ желтыми стѣнами. Былъ вечеръ, горѣли лампы, а окна были завѣшаны темной матеріей. Лампъ было три и кромѣ нихъ было еще шесть кроватей, онѣ стояли по три другъ противъ друга и тоже были покрыты желтымъ. На всѣхъ трехъ кроватяхъ, стоявшихъ противъ той, на которой лежалъ самъ Яшка, спали люди, на одной, рядомъ съ нимъ, лежалъ длинный человекъ съ черными усами, и большущими глазами смотрѣлъ прямо въ лицо Яшки...

По другую сторону отъ него кровать была пустая, и Яшка, чувствуя, что онъ боится черноусаго сосѣда, сталъ смотрѣть на нее соображая, куда онъ попалъ? Желтый цвѣтъ напомнилъ ему объ острогѣ, который снаружи былъ весь выпачканъ желтой краской, и еще о гимназій. Яшка прислушался—не звякаютъ-ли гдѣ кандалы? Но было тихо и только далеко гдѣ то стонали... и ужасно скверно пахло... Значить это больница, а не острогъ и не гимназія... Яшкѣ стало жутко и очень захотѣлось заплакать, но онъ сдержался, сообразивъ, что его длинный сосѣдъ можетъ ему задать за слезы выволочку. И закрывъ глаза, Яшка сталъ чутко прислушиваться... Прежде всего онъ услышалъ бурчаніе въ собственномъ своемъ животѣ и почувствовалъ, что хочетъ ѣсть... Въ то-же время онъ какъ-то сразу вспомнилъ то, что съ нимъ случилось до той поры, какъ онъ очутился здѣсь, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испугался, ощутивъ, что у него болить голова, спина, и одной ноги какъ будто вѣтъ совсѣмъ... Но это оказалось фальшивой тревогой: нога была съ нимъ—когда онъ попробовалъ пошевелить ею, она дала о себѣ знать жестокой болью.

Яшка крѣпко закрылъ глаза и во всю мочь закрывалъ... а потомъ, не открывая

глазъ, сталъ слушать... Гдѣ-то раздались мягкіе и сѣшные звуки шаговъ и надъ Яшкой прозвучалъ женскій голосъ... не такъ, чтобы очень ласковый...

— Ну, чего ты кричишь?.. а? Мальчижк! Ала ты въ обморокѣ? — Очевидно, въ этой больницѣ люди, впадавшіе въ обморокъ, не теряли дара слова, и сидѣлка привыкла съ ними разговаривать и въ то время, когда они находились безъ сознанія. Какъ-бы поощряя эту ее привычку, Яшка подумалъ—что бы ей сказать, и, открывъ глаза, заявилъ, хотя и слабымъ голосомъ, но съ полной увѣренностью:

— Я ѣсть хочу!

— Такъ чего-же ты кричишь во все горло? Ишь какой пострѣленокъ!..

И она ушла, шлепая туфлями по полу. Потомъ она снова явилась, и Яшка намерѣвъ умѣстнымъ спросить ее:

— Вѣдь это, тетенька, больница?

На что она поучительно отвѣчала ему:

— А то постоялый дворъ?

Потомъ Яшка поѣлъ и уснулъ. Проснувшись среди ночи, онъ открылъ глаза и осмотрѣлся. Все было пропитано тишиной и запахами лѣкарствъ. И кто-то тихо-тихо стоналъ. Звукъ былъ такой странный и такъ плавно носился по желтой комнатѣ, что казался единственно-живымъ среди этой нахучей тишины и непривычной Яшкѣ приторной чистоты. Точно это желтыя стѣны дышали... Сосѣдъ Яшка по койкѣ лежалъ вытянувшись, сложивъ руки на груди, на лицо его падалъ свѣтъ, губы были полуоткрыты и обнажали бѣлыя холодныя зубы. Это было страшно. У Яшки екнуло сердце, и онъ, втянувъ себѣ на голову одеяло, заплакалъ потихоньку, чувствуя себя одинокимъ, забытымъ и погибающимъ.

Такъ и потянулись дни за днями. Яшка плохо выздоравливалъ и сильно худѣлъ. Худоба лица сдѣлала Яшкины глаза еще больше, и въ нихъ замерло тоскливо-выжидательное выраженіе. Лицо ему отмыли и теперь было видно, что оно бѣлое, маленькое личико уже много думающаго ребенка. Скучно ему было въ больницѣ, тошно, одиноко.

Однажды, проснувшись среди дня, Яшка открылъ глаза и вздрогнулъ. Кто-то смотрѣлъ на него и улыбался ему, такъ улыбался, что Яшка почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и сдѣлалъ движеніе, желая свѣтъ на койкѣ. Но боль въ ногѣ заставила его сморщиться, охнуть и снова закрыть глаза.

— Что у тебя болить, мальчижк?—спросили его. Никто, никогда и ни о чемъ не спрашивалъ его такъ ласково.

Яшка взглянулъ—надъ нимъ наклонилось чье-то бѣлое, нѣжное, почти прозрачное лицо и прямо въ глаза ему смотрѣли тем-

ные, ласково-прищуренные глаза, смотрѣли и улыбались и какъ-бы гладили Яшку чѣмъ-то мягкимъ и теплымъ по всему его маленькому тѣлу. Яшкѣ показалось, что всего этого онъ давно уже ждалъ и что когда-то кто-то такъ-же вотъ смотрѣлъ на него... но это было неизвѣстно когда. Яшка улыбнулся...

— Что ты молчишь?

Яшка снова улыбнулся и хитро кивнулъ головой, прищуривъ глаза.

— Милый какой!

Яшкѣ плакать захотѣлось. Охватить-бы эту чисто вымытую, тонкую шею и плакать долго и много.

— Ну, отвѣть! Давно ты здѣсь? Что у тебя болитъ? Чей ты?

У мальчика щекотало въ горлѣ, и прерывающимся голосомъ онъ спросилъ:

— А ты не уйдешь... вы не уйдете, если я говорить съ вами буду?

— Голубчикъ! Почему ты думаешь такъ?

— А я буду говорить... вамъ не про что будетъ спрашивать и тогда вы уйдете... Опять тогда я останусь одинъ. Тутъ Яшка заплакалъ слезами обиды и радости.

— Бѣднейшій... Я не скоро уйду... вонъ онъ спитъ еще...

— Кто?—быстро сквозь слезы спросилъ Яшка.

— Братъ,—и она кивнула головой на его сосѣда по койкѣ...

— Такъ вы это не ко мнѣ пришли?—разочарованно спросилъ Яшка.

— Вѣдь я-же не знала тебя... Теперь буду ужъ и къ тебѣ приходиться...

— А этотъ, длинный-то, и есть братъ? Онъ чего тутъ лежитъ? Тоже машина его испортила?—недовѣрчиво и любопытно спросилъ Яшка.

— Онъ... боленъ, очень боленъ... Его не машина, а... такъ онъ... нездоровъ...

— А вы кто такая? Часто вы будете ходить? Каждый день? А вы гдѣ работаете? Вы можете корректорша, или швейка, или просто барыня? Глаза вотъ у васъ больно чудные... большущіе!.. Пока братъ хвораетъ здѣсь, вы все и будете ходить сюда? Ишь... ну-ка-бы онъ подольше похворалъ!

— Мальчикъ мой бѣдный, голубчикъ!

Онъ опять заплакалъ, этотъ Яшка „Чистякъ“. Ужъ очень она хорошо говорить свои слова! Онъ плакалъ и сморкался въ свои пальцы, а она утирала ему носъ платкомъ, отъ котораго пахло цвѣтами и весной. И Яшка чувствовала, что вмѣстѣ со слезами изъ него выходитъ его боль, а вдыхая запахъ платка, онъ вдыхаетъ вмѣстѣ съ нимъ бодрость и силу... Потомъ она цѣловала его въ глаза, и въ губы, и въ щеки, и въ лобъ. И все это было неизвѣдано Яшкой, все открывало предъ нимъ

цѣлый міръ новыхъ чувствъ.

Она ушла,—онъ остался, какъ во-снѣ, и какъ во снѣ жилъ девять дней. Девять разъ приходила она, и все это время Яшка переживалъ безконечно много неизвѣданныхъ, сладко волновавшихъ его душу ощущений. Она обыкновенно приходила и, подходя къ его койкѣ, поцѣлуемъ здоровалась съ нимъ, а потомъ шла къ брату и садилась въ ногахъ его койки, такъ чтобы видѣть и Яшку. Яшка, хмуря брови, слѣдилъ за ней, слушала ея разговоръ съ братомъ, а когда она взглядывала на него, Яшка манила ее глазами къ себѣ. Чувство жгучей ревности къ этому длинному и мрачному человѣку испытывалъ Яшка всякій разъ, какъ только вспоминалъ о его существованіи. Яшка хотѣла-бы, чтобъ онъ умеръ ужъ что-ли скорѣе, этотъ длинный братъ, тогда-бы она ходила къ одному ему, къ Яшкѣ. И всякій разъ какъ братъ со стономъ хватался за грудь, Яшка вздрагивала—умираетъ что-ли? Но тотъ все не умиралъ, и Яшкѣ горько было это. Первый разъ ему выпало на долю такое хорошее и вотъ нужно дѣлать это пополамъ съ какой-то „гнилой жердью“, какъ мысленно прозвала Яшка своего сосѣда. Она все время почти сидѣла у него на койкѣ и лишь, изрѣдка не надолго подходила къ Яшкѣ. Онъ хваталъ ее за руку и глядя на нее жадными и умоляющими глазами, тянулъ ее къ себѣ, молча, крѣпко... Она потихоньку освобождала изъ его пальцевъ свою руку и снова шла туда, къ брату, который никогда не говорилъ ни слова Яшкѣ, да и съ ней говорилъ мало. И всякій разъ, когда она уходила, Яшкѣ хотѣлось ругнуть ея брата, въ сердцѣ у него что-то колотило, и на глаза навертывались злыя слезы. Много мукъ и много счастья пережилъ онъ въ эти девять дней своей жизни.

И вотъ однажды утромъ, проснувшись, Яшка увидалъ, что „гнилую жердь“ перекалываютъ съ койки на носилки...

— Куда его тащатъ?—быстро спросилъ Яшка у сидѣлки.

— А тебѣ что? Ты еще туда не пойдешь... чай вотъ скоро тебя домой потурятъ... Набаловался здѣсь.

— Умеръ что-ли?—съ трогательной просьбой въ глазахъ еще спросилъ Яшка.

— Ну, извѣстно... Не живого, чай, понесутъ.

Умеръ! Яшка испугался нѣсколько, видя это вялое, бѣлое мясо, лишенное движенія, какое-то изломавшееся. Еще ночью этой Яшка слышала его стоны, кашели и движенія... Но скоро испугъ смѣнила тихая радость—„она“ будетъ ходить только къ нему одному, къ Яшкѣ. И закрывъ глаза онъ началъ ждать ее. Онъ могъ уже вста-

вать съ койки и ходить при помощи костыля, но лежалъ... Она придетъ и какъ всегда поцѣлуетъ его, но уже не сядетъ туда, къ брату. Нѣтъ ужъ его, брата-то! Жгучая радость охватывала Яшку при этой мысли и потомъ она смѣнялась въ его душѣ тихимъ и сладкимъ покоемъ. Всегда теперь она будетъ сидѣть съ нимъ, Яшкой, и никого у нея здѣсь нѣтъ, кромѣ него... но она не пришла...

— Хронить...—объяснилъ себѣ Яшка этотъ грустный фактъ.

— Сохранить и придетъ... Апельсиновъ, чай, принесетъ и книжку... И будетъ говорить... до олго!

Она не пришла и на другой день и на третій, и ни разу больше не видалъ ужъ ея Яшка, въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, которыя прожилъ въ больницѣ, со времени смерти ея брата...

III.

Онъ долго, усердно, искалъ „ее“ по городу послѣ того, какъ вышелъ изъ больницы. Онъ вынесъ оттуда нелюдимость, молчаливую есердоточенность и сознание необходимости найти „ее“. По воскресеньямъ и въ нерабочіе дни онъ шлялся по городу всюду, гдѣ бываетъ чистая публика и искалъ и не могъ найти. Похожихъ было много и всѣ онѣ кололи ему сердце острымъ воспоминаніемъ о „ней“, мимолетной грезѣ его печальной жизни, всѣ онѣ еще прочтѣе запечатлѣвали въ его маленькомъ сердцѣ ея славный, добрый образъ, ея ласковые темные глаза, ея горячія мягкія губы, тонкую фигурку ея въ черномъ пышиомъ платьѣ и маленькую головку въ черной шляпѣ съ бѣлыхъ перомъ. Нигдѣ не было ея, кромѣ его сердца. Сосредоточенный и хмурый, съ большими печальными глазами, опять чумазый и снова пропахшій типографской краской, онъ былъ нѣсколько страненъ для типографскаго мальчика. Въ немъ не было бойкости дѣтства, беззаботности и веселаго сердца ранней весны его жизни—все дѣтское въ немъ пожрала и сожгла эта девятидневная греза.

Но судьбѣ, всегда такой остроумной въ своихъ жестокихъ шуткахъ надъ людьми, судьбѣ его угодно было, чтобъ онъ еще разъ увидалъ его. Однажды возвращаясь съ товарищами съ прогулки по лѣсу и идя почтовымъ трактомъ, онъ увидѣлъ ее. Прошло два года, но она была такая-же, какъ и тогда, въ больницѣ, сидѣла въ почтовомъ возкѣ, и тройка коней несла ее въ клубахъ пыли. Рядомъ съ ней былъ еще кто-то... военный, потому что въ глазахъ Яшки сверкнули металлическія пуговицы. Это она была, она, онъ не ошибался. Онъ какъ-бы приросъ къ землѣ на мгновеніе и вдругъ съ радостнымъ крикомъ бросился вслѣдъ за тройкой.

Онъ бѣжалъ, прижавъ локти къ бокамъ и кричалъ, и въ ротъ ему набивалась пыль, гремѣли колеса тарантаса на выбоинахъ и

въ головѣ Яшки шумѣло, сердце его билось, онъ кричалъ; кричалъ... Тарантасъ, заглущая его голось, исчезалъ въ пыли... Деревья стремительно неслись куда-то мимо Яшки „Чистыя“...

И когда обезсиленный погоней онъ упалъ въ пыль дороги лицомъ—то зарыдалъ, заплакалъ слезами горькой обиды, злыми слезами разочарованія.

Потомъ онъ пытался найти ее. Два черезъ три онъ отправился вдаль, по почтовому тракту и шель, спрашивая на каждой станціи:

— Куда ѣхали третеводни барыня съ офицеромъ?

Надъ нимъ хохотали. Въ уѣздномъ городѣ, до котораго онъ дошелъ, наконецъ, его арестовали за бесписемность и по этапу отправили въ губервію. Тогда онъ снова поступилъ въ типографію и всегда хмурый, точно что-то потерявшій, молчаливый и злой—скоро во внѣшнемъ образѣ жизни потерялъ всякое различіе съ товарищами. Пилъ водку, какъ они, посѣщалъ съ ними веселые дома, игралъ въ орлянку и карты, и работалъ, работалъ ради всего этого...

Теперь Яшка „Чистыякъ“ тридцатилѣтній, угрюмый пьяница, проводящій свою жизнь гораздо болѣе у кабацкой стойки, чѣмъ у кассы со шрифтомъ. Онъ пользуется среди хозяевъ и рабочихъ дурной славой пьяницы, вора и полусумасшедшаго.. Съ виду ему можно дать лѣтъ пятьдесятъ, весь онъ рваный и грязный, всегда битый и полупьяный... Глаза у него большіе, безцвѣтные, опухшіе...

Но когда однажды въ кабакѣ онъ рассказывалъ мнѣ эту исторію—я видѣлъ, какъ они блестяли такимъ яснымъ, славнымъ огнемъ. А кончивъ свой рассказъ, онъ помолчалъ и добавилъ:

— Только всего и было въ моей жизни хорошаго... Мало, братъ, да... Спился вотъ. А про нее вспоминать... пріятно. Люблю я это. Хоть оно, можетъ быть, ежели бы не она... ничего-бы, жилъ я... А и то сказать—наплевать! Ну—е къ черту... Какъ не живи—умрешь. Значить—все равно. А какъ она была—есть про что вспомнить...

М. Горькій.